

Научная статья
УДК 94(47).08
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303

Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома»

Алексей Юрьевич ВЯЗИНКИН, Кузьма Александрович ЯКИМОВ*

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106

*Адрес для переписки: gnom-gnom123@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ эволюции крестьянского менталитета в исторический период «революционного перелома». Актуальность исследования состоит в создании теоретической базы для более детальной разработки проблемы крестьянского традиционализма и проблемы роли поколения «революционного перелома» в кризисе традиционной крестьянской ментальности в первой трети XX века. В ходе исследования использованы аналитический и историко-сравнительный методы. Показано, что радикализация настроений крестьян в годы Первой российской революции была обусловлена обострившейся в начале XX века проблемы малоземелья и распространявшихся неонароднических идей. Фактор войны создал предпосылки для нового взгляда крестьян на проблему взаимоотношения монархической власти и народа, в котором содержались основания для глубинного разрыва вековых традиционных связей. События революции 1917 г. и Гражданской войны привели к ломке традиционного общинного архетипа в крестьянском менталитете, повлияв на возникновение межпоколенческих конфликтов и углубив конфронтацию между деревенской беднотой и зажиточным крестьянством.

Ключевые слова: крестьянство, годы «революционного перелома», крестьянский традиционализм, поколенческая история, революция, война

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132 «Поколение «революционного перелома» в судьбе российской деревни первой трети XX века».

Для цитирования: Вязинкин А.Ю., Якимов К.А. Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 5. С. 1296-1303. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303

Peasant traditionalism during the era of the “revolutionary turning point”

Aleksei Y. VIAZINKIN, Kuzma A. YAKIMOV*

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation

*Corresponding author: gnom-gnom123@mail.ru

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

© Вязинкин А.Ю., Якимов К.А., 2022

Abstract. The analysis of the evolution of the peasant mentality in the historical period of the “revolutionary turning point” is carried out. The relevance of the study lies in the creation of a theoretical basis for a more detailed development of the problem of peasant traditionalism and the problem of the role of the “revolutionary turning point” generation in the crisis of the traditional peasant mentality in the first third of the 20th century. In the course of the study, analytical and historical-comparative methods were used. It is shown that the radicalization of the mood of the peasants during the years of the First Russian revolution was due to the problem of land scarcity and the spread of neo-populist ideas that worsened at the early 20th century. The war factor created the prerequisites for a new view of the peasants on the problem of the relationship between the monarchical power and the people, which contained grounds for a deep rupture of age-old traditional ties. The events of the 1917 revolution and the Civil War led to the breakdown of the traditional communal archetype in the peasant mentality, influencing the emergence of intergenerational conflicts and deepening the confrontation between the rural poor and the prosperous peasantry.

Keywords: peasantry, era of the “revolutionary turning point”, peasant traditionalism, generational history, revolution, war

Acknowledgements: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 22-18-00132 “Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century”.

For citation: Viazinkin A.Y., Yakimov K.A. Krest'yanskiy traditsionalizm v gody «revolyutsionnogo pereloma» [Peasant traditionalism during the era of the “revolutionary turning point”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, vol. 27, no. 5, pp. 1296-1303. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303> (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX столетия Россия оказалась в тяжелой исторической ситуации «революционного перелома». Наиболее значительное влияние она оказала на поколение «революционного перелома» [1, с. 34], которому довелось пережить две тяжелых войны и два тяжелых революционных периода. Нарастание кризисных явлений в общественно-

политической системе российского общества стало одним из главных факторов ломки традиционного крестьянского менталитета. В ходе исторических событий данного периода все российское общество трансформировалось под натиском модерна и изменилось до неузнаваемости, утратив большую часть исторического и культурного наследия, носителями которых были традиционные сословия, и в первую очередь – крестьянство.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование построено на принципах историзма и объективности с использованием системного подхода, что позволило осуществить комплексное изучение процесса трансформации крестьянского менталитета в период «революционного перелома». Во время работы над исследованием использовались аналитический, историко-сравнительный и ретроспективный методы. Проведенное исследование осуществлено в контексте проблематики поколенческой истории, что обусловило обращение к историко-социологическим подходам.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Крестьянский традиционализм как феномен. Сельский социум в зависимости от национального, природно-географического и многих других факторов вырабатывает в историческом развитии самобытные элементы традиции, складывающиеся в некую систему, представляющую собой определенное единство, Gestalt.

В более или менее универсальной генеалогии крестьянской традиции можно выделить 4 линии, которые соответствуют той или иной сфере организации сельского быта (в них кристаллизуется «малая» культура):

- 1) семейное хозяйство;
- 2) хозяйствование на земле;
- 3) деревенская культура;
- 4) социальное положение (статус) крестьянства [2, с. 11].

Первая сфера в своем развитии формирует особое отношение крестьянской семьи к организации своего бытования: от самоопределения и ранжирования социального престижа до культуры потребления и биологического воспроизводства.

Развитие второй сферы подразумевает глубинную зависимость крестьянской культуры от природных факторов. В результате этой зависимости складывается своеобразная экосистема сельского социума в целом и крестьянской семьи в частности. Ее особенность

заключается в выработке особого сельского мировоззрения, привязанного к природным циклам. Важный аспект крестьянского традиционализма заключается именно в ультраконсервативном отношении к принципу ненарушимости этих циклов посева и сбора урожая.

Третья сфера подразумевает автономную организацию сельского сообщества, в котором сильны традиционалистские и конформистские установки. Таким образом, можно сказать, что в крестьянском сознании в контексте автономной организации сельского социума вырабатывается своего рода *вегетативный консерватизм*, который неизбежно направлен на сохранение традиционного уклада жизни.

Наконец, четвертое обстоятельство, составившее совершенно самостоятельную генеалогическую линию, в своем историческом развитии поспособствовало выработке одной из социальных практик крестьянства – разнообразных актов самозащиты. Находясь в экономически и политически подчиненном положении, крестьянство все время испытывало давление со стороны привилегированных сословий и классов. Бунты и мятежи были привычной практикой в историческом пути сельского социума и со временем они стали важным компонентом традиции малой культуры. Таким образом, крестьянский бунт – это не революционное (то есть преобразующее) действие, а реактивный социальный процесс, направленный на восстановление существовавшего традиционного уклада.

Свидетельством крепости крестьянского традиционализма является болезненная реакция иммунной системы сельского социума, «чуткого живого организма» [3, с. 30] на малейшие чуждые влияния извне. Именно подобное представление о традиции позволяло теоретикам аграризма и крестьянофильства утверждать, что самобытные черты культуры сохраняются именно в народе, в коренной сельской жизни. Это убеждение в разнообразных формах проявляется как специфическое выражение связи малой культуры с большой, то есть связи крестьянского тради-

ционализма с традиционализмом аграрным (интеллигентским, интеллектуальным): американский популизм («аграрный миф»), движение фёлькиш, славянофильство и правое народничество (общинность) и т. д.

Тем не менее российский сельский социум не мог остаться вне масштабных трансформационных процессов, затронувших российское общество в годы «революционного перелома». Новое поколение крестьянства вынуждено было отвечать на тяжелый исторический вызов, а традиция малой культуры оказалась под фатальной угрозой.

Революция 1905–1907 гг. Нарастание волн революционного протеста в 1905–1907 гг. не могло не отразиться на настроениях крестьянства. Как свидетельствует один из современников данных событий, неонародник В.Г. Богораз, деревенские обыватели оказались весьма восприимчивыми к революционной агитации, что способствовало формированию крестьянской программы преобразований [4]. Анализируя массовое сознание сельчан, В.Г. Богораз отмечает, что «в их сердцах слишком много страсти, в настроении – электричества, а в сердце – негодования» [4, с. 42].

Впрочем, большая часть требований крестьян в период революционного перелома не отличалась особой оригинальностью от предшествующих периодов. Как свидетельствует В.Г. Богораз, самой болезненной проблемой на селе продолжал оставаться земельный вопрос. Рассмотрим характерный отрывок, иллюстрирующий настроения крестьян: «Земли у нас столько, что мы не в силах жить на ней даже впроголодь. У крестьян нет выгонов для скота, нет сенокоса, нет леса для топлива, нет водоемов, нет никаких угодий» [4, с. 46].

В мировоззрении сельских жителей продолжало доминировать представление о том, что вся земля является «божественным даром», при этом оспаривая права на землю крупных землевладельцев. Вот наглядный пример подобных настроений, зафиксированный В.Г. Богоразом: «Рядом с крестьянами землепашцами живут собственники-землевладельцы, богатеющие от крестьян-

ского труда, благодаря незаконному праву собственности на дар Божий – землю» [4, с. 48-49]. Как видим, господствовавший общинный архетип крестьянского менталитета не допускал возможности существования частной собственности на землю.

Вместе с тем, несмотря на обострившуюся в начале XX века проблему малоземелья, большинство крестьян продолжало рассматривать земледелие в качестве основного источника своего дохода, не желая изменять привычный жизненный уклад. К примеру, выступая на сельском сходе, крестьяне заявляли: «Земледелие должно нас кормить. Оно должно дать нам возможность скопить копейку на черный день, на голодный год, или когда придется свадьбу сыграть, или сына в солдаты отдать» [4, с. 45].

В ходе событий Первой российской революции все чаще со стороны крестьян стали звучать призывы к свободе и равенству, что подчас находило свое выражение в различных формах народного фольклора.

За честь, за свободу, за хлеб трудовой
Идем мы бороться с врагами.
Довольно им властвовать нами.
На бой, на бой, на бой.

Еще одним объектом народного недовольства было ограничение в получении образования. Для наглядности обратимся к рассмотрению характерных выступлений крестьян по этому вопросу: «Зачем заграждают нам науку?.. Надо хоть молодежь просветить, чтобы не были такие тумачи, как мы... Я своих детей ненавижу за то, что они невежи» [4, с. 42]. Нередко многие из них связывали трудности в получении образования с тяжелым материальным положением: «Даже керосину нет, чтобы заниматься мальчику» [4, с. 42]. Однако проявление столь прогрессивных требований среди сельчан было не столько следствием повышения запросов деревенской бедноты, сколько влиянием распространявшихся либеральных и социал-демократических идей. Между тем крестьяне нередко продолжали относиться к учителям критически, проявляя недоверие: «Чиновни-

ки назначают нам учителей против нашего желания, которые забивают ребятам голову всяким сором вместо науки, запрещают им читать хорошие книжки и хоронят от них правду» [4, с. 46-47].

Неудивительно, что наиболее радикализированной частью крестьянского социума оказалась деревенская молодежь, оказавшаяся в силу возраста более восприимчивой к влиянию «новых идей». В частности, по наблюдениям В.Г. Богораза, среди молодых крестьян распространенным явлением было стремление насильственно расправиться с черной сотней [4, с. 18].

Еще одним проявлением трансформации крестьянского менталитета в период Первой российской революции была набиравшая популярность идея непосредственного участия народа в управлении государством, что в целом соответствовало духу общинных традиций. К примеру, В.Г. Богораз отмечает, что среди сельских обывателей было немало тех, кто требовал для крестьян права выбора уполномоченных для управления землей, издания равных для всех законов и контроля над расходом «народных» средств [4, с. 47]. В то же время антимонархические настроения в это время носили преимущественно стихийный и неосознанный характер в силу многовекового господства монархической ментальности сельских жителей.

Первая мировая война. Фактор войны был одним из наиболее значительных в годы «революционного перелома». Влияние войны на российское крестьянство было огромно: во-первых, на полях сражений Первой мировой войны участвовали преимущественно представители крестьянства; во-вторых, фактор войны был ключевым катализатором динамики общественных настроений на селе [5]. Важнейшим катализатором ломки традиционных связей крестьянства и монархии стал именно затяжной характер войны, которая на протяжении четырех лет непрерывно нарушала привычный ход сельской жизни.

Первая мировая война стала свидетельством «исчерпаемости внутренних ресурсов»

[6, р. 945], необходимых для достижения конечных целей модернизации. Сама же модернизация, по существу, несла с собой коренной перелом в моделях мышления целых классов, не трансформацию, но уничтожение традиции. Для сельского социума модернизация означала отрицание коллективистского начала, демонтаж общинного порядка в деревне. Последнее повлекло за собой не только кардинальные перемены в социальных отношениях на селе, но и изменения на уровне семьи: переход от господства составной патриархальной семьи к демократической.

Кризис традиционной культуры в деревне, очевидно, был связан с радикальной трансформацией общинного сознания, с ростом сельских выступлений (иногда мотивированных идеей восстановления общественной справедливости, иногда вообще немотивированных), нередко носивших откровенно преступный характер. Установление криминальной атмосферы в российской деревне в годы войны стало следствием девальвации базовых общинных ценностей. Война, таким образом, стала причиной разрушения остова крестьянского менталитета, опирающегося на православную веру [7] и традиционно связывающего народ и самодержавную власть царя.

Патриотические настроения крестьянства в начале Первой мировой войны носили стихийный характер и вскоре сменились менее однозначным восприятием исторических событий. О.С. Поршнева отмечает, что дестабилизация положения в деревне, кризис общинного мировоззрения крестьянства – все это привело к невозможности единообразного отношения жителей села в отношении мобилизации и войны в целом, при этом откровенно антивоенных настроений у мобилизованных крестьян не было [7]. Несмотря на значительный элемент иррационализма в крестьянской ментальности, не был чужд сельским жителям и прагматизм, который, в свою очередь, был источником недовольства и крестьянских протестов (особенно в Европейской части России) против мобилизационных кампаний в период страды [8].

Революция 1917 г. и пореволюционное крестьянство. Новой вехой в эволюции крестьянского менталитета стали революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война. Несмотря на господство патриархальной политической культуры, крестьяне, будучи самым многочисленным сословием, являлись активными участниками описываемых событий, во многом повлияв на их исход. Как показывают исторические источники, изменения, происходившие в деревне, существенно отразились на настроениях сельской молодежи. К примеру, Николаевская уездная ЧК Томской губернии отмечала «перерождение» деревенской молодежи, объясняя это тем, что дореволюционные хулиганские частушки повсеместно сменились «пролетарскими» [9, с. 33-34]. Многие молодые солдаты, возвращавшиеся с фронта после заключения мира с Германией, романтизировали революционные идеалы свободы и равенства. Весьма иллюстративны в этом отношении настроения солдата К. Вороны: «Мы сбросили с себя вековые кандалы и дождались свободы и хотим получить землю и заводы» [10, с. 42]. В то же время настроение представителей старшего поколения было более консервативным и в ряде случаев даже реакционным. Рассмотрим характерный отрывок из письма крестьянина Чусова (1829 г. р.): «Для спасения необходимо восстановить согласие, водворить бежавших на свои места, отнятое возвратить» [10, с. 77].

Впрочем, основным объектом борьбы крестьян, как и в период Первой российской революции, были земля и хлеб. Характерный для сельского социума низкий уровень политической культуры продолжал сохраняться и в годы Гражданской войны, о чем свидетельствуют многочисленные случаи непонимания крестьянами целей и задач большевистской партии. К примеру, Томской губчека летом 1920 г. отмечалось, что большинство крестьян не имеют представления о содержании программы советской власти [9, с. 33]. Не менее характерны настроения крестьян Гомельской губернии: «Нехай будет кака-либо власть, лишь был бы хлеб, соль, керосин, плуг, коса и т. д. Перестали бы воевать и

нас бы не тревожили» [9, с. 277]. По всей видимости, старшее поколение крестьян, унаследовавших черты общинной ментальности, было более обеспокоено решением насущных бытовых проблем, в отличие от сельской молодежи, возлагавшей серьезные надежды на реализацию идеалов революции.

Религиозность сознания сельских жителей служила еще одним источником недовольства советской властью, проводившей репрессивную политику в отношении церкви и священнослужителей. К примеру, в Покровском приходе с. Соколовское крестьяне постановили: «Не допускать насилий над духовенством, которое нам необходимо» [9, с. 34]. Нередко крестьяне принимали участие в антибольшевистских восстаниях, поводом для которых было закрытие монастырей [9, с. 270]. В то же время, как свидетельствуют сохранившиеся источники, трансформация крестьянской ментальности проявила себя в ослаблении религиозности сельской молодежи. Под влиянием антирелигиозной пропаганды значительная часть деревенской молодежи стала реже посещать храмы [9, с. 35]. Нередким явлением становились кощунственные выходки поколения «революционного перелома» на селе по отношению к церковнослужителям, что также способствовало обострению конфликта отцов и детей в деревне.

В некоторых случаях недовольство политикой большевиков в деревне усиливало антисемитские настроения крестьян, все чаще отождествлявших большевиков и евреев. Весьма показательное содержание лозунгов одного из крестьянских повстанческих отрядов Екатеринославской губернии: «Долой жидовскую коммуну и комиссаров!.. Долой жидов и кацапов» [9, с. 280]. Привычный для крестьянского менталитета образ «врага-еврея» трансформировался в юдофобские настроения в отношении правящей партии, в силу заметного преобладания евреев на руководящих должностях. Так, в с. Ярополец Волоколамского уезда было размещено следующее объявление: «Жида Ленина с кониной под стол! Не надо нам Троцких! Долой всех жидов, долой!» [9, с. 128].

Недовольство политикой большевиков на селе было вызвано не только тяжелым материальным положением крестьян, но и их представлением о «перерождении» советской власти. Подобные представления были связаны с тем, что власть, по мнению деревенских обывателей, захватили бывшие помещики и капиталисты. Это обстоятельство объясняется тем, что крестьяне нередко могли увидеть во властных учреждениях бывших представителей «эксплуататорских» слоев. В частности, в Пензенской губернии распространенным явлением было недовольство крестьян тем, что «на мельницах и других предприятиях снова уселись их прежние владельцы и кулаки, которые по-прежнему диктуют и приказывают» [9, с. 33]. В с. Гать Тульской губернии в ходе изъятия продовольствия произошло вооруженное столкновение союза бедноты с «кулаками» [9, с. 75]. Подобные явления были распространены во многих губерниях.

Гражданская война способствовала разрушению традиционного общинного начала в менталитете крестьянства, что еще больше обострило взаимоотношения между бедняками и зажиточным крестьянством. К примеру, в Красноуфимском уезде отмечалось, что «беднота резко отмежевывается от кулаков; создается воинственное настроение» [9, с. 77]. Самовольные реквизиции хлеба красноармейцами, зачастую проводившиеся по клас-

совому принципу, также приводили к возникновению конфликтов в деревне [9, с. 77].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование показало процесс трансформации традиционной крестьянской ментальности, основанной на господстве группового общинного сознания. Радикализация настроений сельчан в годы «революционного перелома» была в большей мере присуща молодежи, оказавшейся в силу психолого-возрастных особенностей более восприимчивой к лозунгам революционной агитации. Поддержка сельской молодежью большевиков, в том числе в вопросах религии и веры, резко контрастировала с аполитичностью настроений старшего поколения, что, в свою очередь, приводило к возникновению межпоколенческих конфликтов. Революционная атмосфера, государственная политика реформ, фактор войны – все оказывало на крестьянский традиционализм разлагающее воздействие. Чрезвычайная политика большевиков на селе, нередко принимавшая ярко выраженный классовый характер, обостряла противоречия внутри крестьянского социума. Годы «революционного перелома» нанесли сокрушающий удар по крестьянскому традиционализму, и классическая общинная ментальность русского крестьянина вскоре канула в Лету.

Список источников

1. Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М.: Нов. изд-во, 2006. 384 с.
2. Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. С. 8-20.
3. Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его интересы. М.: Универсальная б-ка, 1917. 112 с.
4. Тан (Богораз) В.Г. Новое крестьянство. М.: Топ. А.П. Поплавского, 1905. 126 с.
5. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.
6. Samokhin K.V. The war as “challenge” of socio-demographic modernization in Russia during the 18th – the early 20th century // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49 (3). P. 940-948. <https://doi.org/10.13187/bg.2018.3.940>
7. Поршинева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
8. Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье / под ред. М.М. Есиковой, П.С. Кабытова, К.В. Самохина. М.: Новый хронограф, 2015. 288 с.
9. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 1918–1922 гг. 864 с.

10. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998. 664 с.

References

1. Levada Y.A. *Ishchem cheloveka: Sotsiologicheskiye ocherki, 2000–2005* [Looking for a Man: Sociological Essays, 2000–2005]. Moscow, Novoye Publ., 2006, 384 p. (In Russian).
2. Shanin T. Ponyatiye krest'yanstva [The concept of the Peasantry]. *Velikiy neznakomets: krest'yane i fermery v sovremennom mire* [The Great Stranger: Peasants and Farmers in the Modern World]. Moscow, “Progress” – “Progress-Akademiya” Publishing Group, 1992, pp. 8-20. (In Russian).
3. Makarov N.P. *Krest'yanskoye khozyaystvo i ego interesy* [Peasant Economy and Its Interests]. Moscow, Universal'naya biblioteka Publ., 1917, 112 p. (In Russian).
4. Tan (Bogoraz) V.G. *Novoye krest'yanstvo* [New Peasantry]. Moscow, Topography of A.P. Poplavsky, 1905, 126 p. (In Russian).
5. Buldakov V.P., Leontyeva T.G. *Voyna, porodivshaya revolyutsiyu. Rossiya, 1914–1917 gg.* [The War that Gave Birth to the Revolution. Russia, 1914–1917]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2015, 720 p. (In Russian).
6. Samokhin K.V. The war as “challenge” of socio-demographic modernization in Russia during the 18th – the early 20th century. *Bylye Gody*, 2018, vol. 49 (3), pp. 940-948. <https://doi.org/10.13187/bg.2018.3.940>
7. Porshneva O.S. *Krest'yane, rabochiye i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [Peasants, Workers and Soldiers of Russia on the Eve and during the First World War]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 368 p. (In Russian).
8. Esikova M.M., Kabytov P.S., Samokhin K.V. (eds.). *Pervaya mirovaya voyna i voyenno-mobilizatsionnyye meropriyatiya v Srednem Povolzh'ye i Tsentral'nom Chernozem'ye* [World War I and Military Mobilization Activities in the Middle Volga and Central Chernozem Regions]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2015, 288 p. (In Russian).
9. Berelovich A., Danilov V. (eds.). *Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: v 4 t. T. 1. 1918–1922* [Soviet Village through the Eyes of the Cheka–OGPU–NKVD. 1918–1939 Documents and Materials: in 4 vols. Vol. 1. 1918–1922]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 864 p. (In Russian).
10. Livshin A.Y., Orlov I.B. (compilers). *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i bol'shevistskim vozhdyam* [Letters to the Authorities. 1917–1927 Statements, Complaints, Denunciations, Letters to Government Agencies and Bolshevik Leaders]. Moscow, 1998, 664 p. (In Russian).

Информация об авторах

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-3821-6168](https://orcid.org/0000-0003-3821-6168), vyazinkin@yandex.ru

Якимов Кузьма Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1756-3515](https://orcid.org/0000-0003-1756-3515), gnom-gnom123@mail.ru

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022
Одобрена после рецензирования 17.10.2022
Принята к публикации 20.10.2022

Information about the authors

Aleksei Y. Viazinkin, Candidate of Philosophy, Senior Research Scholar, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-3821-6168](https://orcid.org/0000-0003-3821-6168), vyazinkin@yandex.ru

Kuzma A. Yakimov, Candidate of History, Senior Research Scholar, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1756-3515](https://orcid.org/0000-0003-1756-3515), gnom-gnom123@mail.ru

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

The article was submitted 20.09.2022
Approved after reviewing 17.10.2022
Accepted for publication 20.10.2022